

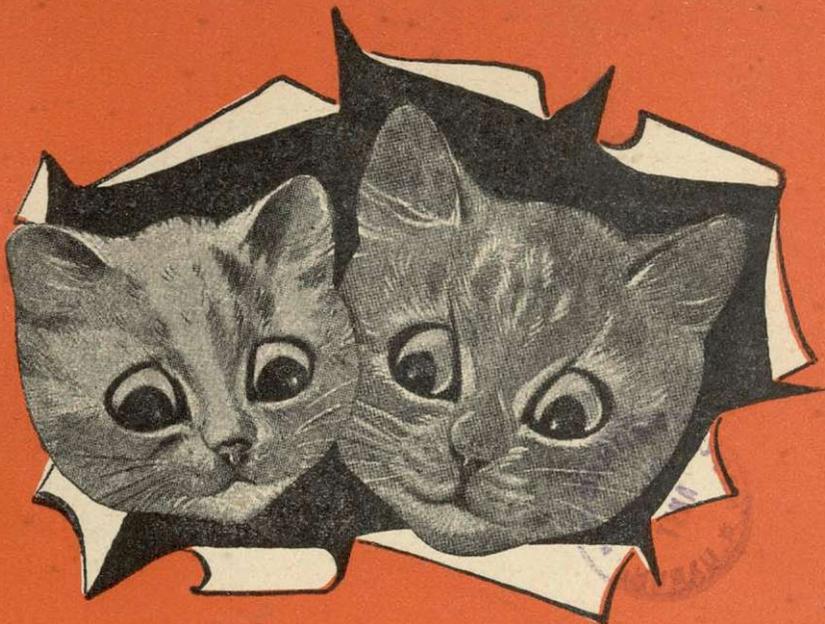
XVII 75
10

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ДЕКАБРЬ.

№ 4.

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЕЛКА.
ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ (святочный
разсказъ).
ПОСЛЪ ЕЛКИ.
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
НОВАЯ МАМА.
ГОВОРЯЩІЙ ОСЕЛЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ И ПР.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Украшенія для елки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Е. Л. К. А.

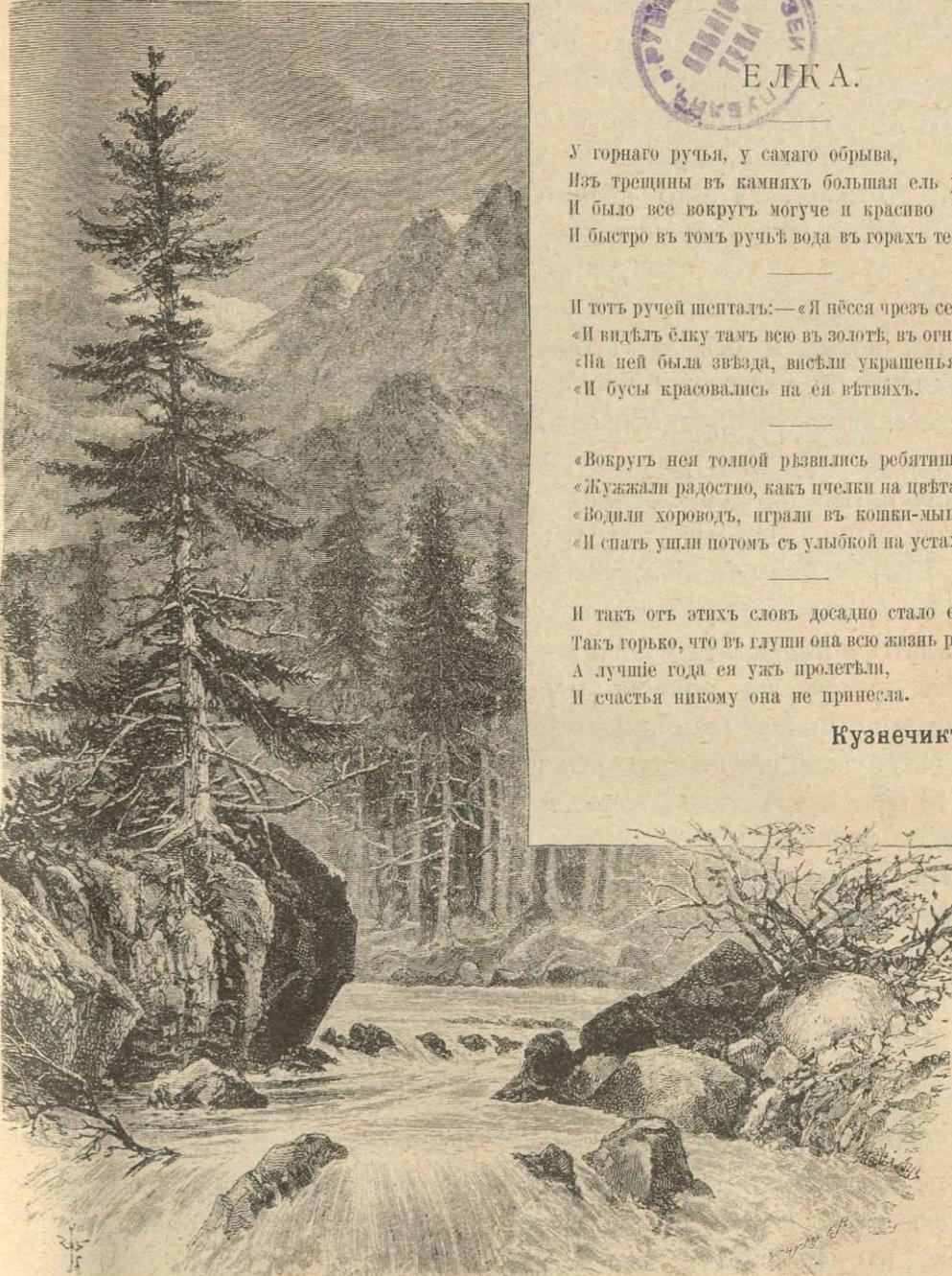
У горнаго ручья, у самаго обрыва,
Изъ трещины въ камняхъ большая ель росла
И было все вокругъ могуче и красиво
И быстро въ томъ ручьѣ вода въ горахъ текла.

И тотъ ручей шепталъ: — «Я нѣсся чрезъ селенье
«И видѣлъ елку тамъ всю въ золотѣ, въ огняхъ,
«На ней была звезда, висѣли украшенья
«И бусы красовались на ея вѣтвяхъ.

«Вокругъ неи толпой рѣзвились ребятишки,
«Жужжали радостно, какъ пчелки на цвѣтахъ,
«Водили хороводъ, играли въ кошки-мышки
«И спать ушли потомъ съ улыбкой на устахъ».

И такъ отъ этихъ словъ досадно стало ели,
Такъ горько, что въ глуши она всю жизнь росла,
А лучшіе года ея ужъ пролетѣли,
И счастья никому она не принесла.

Кузнечикъ.

когда. Брызги моря, темнота и снѣгъ не позволяли даже различить руку, поднесенную къ глазамъ. Это были минуты, когда казалось, что разверзся адъ и что человѣкъ отданъ въ жертву разъяренной, бурной стихіи. Но Григорьевъ стоялъ среди всего этого хаоса разрушенія, какъ левъ. Корабль получилъ пробоину, наполнился водою и теперь ужъ оставалась единственная надежда на спасеніе — это какъ можно скорѣе вы-

Это было одинокое судно подъ парусами.

броситься на берегъ, пока судно еще не пошло ко дну.

— Теперь ужъ погибли! шепнуть штурманъ Семеновъ и перекрестился. — Да проститъ меня Богъ!

На пнѣ фокъ-мачты кое-какъ удалось укрѣпить палку и выкинуть на ней бѣлый флагъ — призывъ къ поданію помощи.

Устало и безучастно работали люди, выкачивая ледяную воду. Господи, хоть-бы поскорѣе разсвѣтало! Въ такую ночь малѣйшій лучъ свѣта мо-

жетъ возродить въ человѣкѣ надежду на спасеніе. И этотъ лучъ блеснулъ.

Но это былъ не дневной свѣтъ. Это былъ огонекъ на берегу.

— Только еще Овечій-Куть, пробормоталъ Семеновъ и стиснулъ зубы. — До порта еще далеко.

Капитанъ приказалъ распредѣлить между людьми спасательные пояса.

Судно вдругъ вздрогнуло всѣмъ корпусомъ отъ сильнаго удара. Оно коснулось земли. Затѣмъ его снова приподняло, ударило еще разъ, опять приподняло и, наконецъ, крѣпко посадило на мель среди буруновъ. Огонекъ изъ Овечьяго-Кута свѣтилъ теперь слабо и уже съ другой стороны. У потерпѣвшихъ крушеніе не было ничего, чѣмъ бы они могли дать о себѣ знать на берегъ. Держаться на палубѣ они также не могли. Сбившись въ одну кучу и прижавшись другъ къ другу тамъ, гдѣ было посуше, они тупо глядѣли во мракъ, возлагая послѣднюю надежду на остатки судна.

Ихъ обдавало снѣжной выюгой и брызгами пѣнящихся волнъ. Подобно насторожившемуся тигру онѣ налетали на нихъ, неся непрерывное разрушеніе. Вдругъ раздался трескъ по всему остову. Каждый схватился за свой пробковый поясъ; затѣмъ всѣ стали въ темнотѣ нащупывать руками другъ друга, желая выразить этимъ свой на вѣки прощальный, послѣдній привѣтъ, и исчезли въ морской глубинѣ...

— Негодный Коля, ты опять будишь Валию? Отойди отъ нея!—сердито вскрикнула тетка Анна.

Коля молча выскользнулъ изъ темнаго угла, въ которомъ стояла ма-

Въ это время тоненькій голосокъ изъ темнаго угла жалобно проговорилъ:

— Оставьте его, тетя! Въдь завтра я встану!

— Намъ нужно скорѣе домой... сказалъ онъ.—У меня умираетъ дочь!

ленькая кроватка Вали и сѣлъ на деревянный стулъ въ другомъ углу, у окна. Это была у него привычка прятаться по угламъ, основывавшаяся на томъ, что этимъ способомъ онъ избѣгалъ шлепковъ отъ тетки Анны.

Тетка Анна сидѣла у другого окна сумрачной комнаты и вязала. Ея длинное туловище раскачивалось въ тактъ какой-то, только ей одной слышной, музыки, — и это, при недостаточномъ освѣщеніи комнаты придавало ей видъ привидѣнія. Она вытащила спицу изъ шерстяного чулка, провела ею по своимъ волосамъ, затѣмъ опять вложила ее въ вязанье и замелькала

остальными спицами. Послѣ нѣкотораго молчанія она проговорила:

— Чего прячешься? Все равно изобью! И зачѣмъ только ты живешь на этомъ свѣтѣ? Вотъ погоди, придетъ отецъ, я пожалуюсь ему, онъ тебя выдеретъ!

Коля и въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ — не что иное, какъ лишній человѣкъ, что никто даже и постичь не можетъ, зачѣмъ именно онъ появился на свѣтъ Божій. Добрые люди давно уже рассказали ему, — а ему теперь уже 12 лѣтъ, — что какъ только онъ родился, его мать умерла; рассказали ему также и то, что, когда ему было четыре года, онъ уложилъ въ могилу свою мачеху, мать Вали. Мачеха была тяжело больна, а онъ, по своему неразумію, выпустилъ къ ней въ спальню кошку, чтобы та поиграла съ Валей, которой тогда былъ всего только годъ. Кошка-же ночью улеглась на сестренку, а когда мачеха, удивленная наступившей тишиной, стала брать въ темнотѣ на руки ребенка, то кошка прыгнула ей прямо въ лицо. Это такъ испугало мачеху, что она уже не смогла оправиться отъ болѣзни и умерла.

Колю тогда не высѣкли, а только заставили смирно сидѣть въ углу, гдѣ на него никто долго не обращалъ вниманія. Къ нему подошла одна только кошка. Но отецъ схватилъ кошку и перебросилъ черезъ заборъ, гдѣ она и осталась на вѣки съ разбитою головою. Коля же получилъ

толчокъ ногою, отъ котораго и съ нимъ чуть не случилось то-же, что произошло съ кошкой. Затѣмъ весь домъ одѣлся въ черное и мать Вали вынесли въ желтомъ гробѣ съ бѣлыми кружевами, а отецъ припалъ къ гробу и громко плакалъ.

И всему этому виною былъ только онъ одинъ! И только потому, что выпустилъ въ спальню кошку. Съ тѣхъ поръ всѣ въ домѣ его стали ненавидѣть.

Сѣрый туманъ, сквозь который фонари на мосту мерпали робкими, красноватыми огоньками, тяжело висѣлъ между черными деревянными амбарами, заборами и задами домовъ. Коля все еще продолжалъ сидѣть въ своемъ углу и смотрѣть на мѣдно-зеленую крышу церкви, гдѣ еще могъ различить на вершинѣ колокольни ободокъ. Этотъ ободокъ былъ выкованъ изъ бронзы на деньги, отобранныя у знаменитаго морского разбойника Урсати, Коля зналъ это доподлинно. Съ какимъ-бы удовольствіемъ онъ сдѣлался морскимъ разбойникомъ и накопилъ-бы себѣ столько-же денегъ! Онъ подарилъ-бы ихъ отцу, который постоянно нуждается въ нихъ. Можетъ быть отецъ послѣ этого сталъ-бы его любить! Валя тоже плавала-бы вмѣстѣ съ нимъ на его суднѣ и стряпала-бы ему что-нибудь вкусное. О, это было-бы хорошо! А тетка Анна? Ну, ее-то онъ продержалъ-бы по крайней мѣрѣ цѣлый годъ на цѣпи среди привидѣній, змѣй и саламандръ въ подземельѣ своего разбойничьяго

замка. Если-бы она попросила прощенья, то онъ даль-бы ей полную горсть золота на пропитаніе и отпустиль-бы ее. Онъ не былъ-бы совсѣмъ жестокииъ и безбожныиъ разбойникомъ...

Тетка Анна поднялась съ мѣста, и этимъ прервала его мечты. Она вспомнила, что въ лампу нужно было налить керосину и ушла въ кухню. Едва только она скрылась, какъ Коля подскочилъ къ кроваткѣ. Братъ и сестра обнялись и прижались другъ къ другу щеками.

— Знаешь, Валя, обратился Коля къ сестрѣ,—что я хочу сдѣлать папѣ въ подарокъ къ ёлкѣ, когда онъ пріѣдетъ съ моря?

— Нѣтъ... отвѣтила Валя чуть слышно.

Глаза Коли заблестали.

— Нашъ корабль, на которомъ плаваетъ папа... продолжалъ онъ.— Корпусъ у меня уже готовъ. Я купилъ его за 20 копѣекъ...

— Откуда-же ты взялъ эти деньги?

— Я сдѣлалъ маленькій корабликъ и продалъ его какому-то господину, который проходилъ по улицѣ мимо нашего дома.

Въ это время на улицѣ вдругъ сильно хлопнула входная дверь и послышались чьи-то рыданія и чей-то жалобный, плачущій голосъ.

Это были жены штурмана Семенова и Никиты. Тетка Анна выбѣжала имъ на встрѣчу и стала тоже громко плакать.

Что-же это такое? О чемъ онѣ такъ плакали? У дѣтей похолодѣло подъ сердцемъ.

Коля сталъ прислушиваться и до него долетѣли странныя, отрывочныя слова:

— Сейчасъ пришла телеграмма... Судно потерпѣло крушеніе... Погибли всѣ, всѣ до одного.

Валя вскрикнула, соскочила со своей кровати и босякомъ бросилась изъ комнаты къ теткѣ, а Коля такъ и окаменѣлъ, оставаясь на мѣстѣ.

Но это было невѣрно. Отецъ ихъ спасся. Онъ выплылъ на берегъ, былъ подобранъ какимъ-то рыбакомъ и долго пролежалъ у него безъ памяти, находясь между жизнью и смертью.

Прошелъ мѣсяцъ. Наступилъ солнечникъ.

Нагорѣвшая свѣтильня сальнаго огарка склонилась на сторону и, распространяя чадъ, освѣщала красноватыиъ пламенемъ оконченѣвшіе пальцы маленькаго Коли, державшаго въ рукахъ красиво оснащенное судно. Этотъ-же огарокъ освѣщалъ стропила крыши, старую, убогую кровать и разрисованное морозными узорами маленькое чердачное окошечко. Коля дрожалъ отъ холода.

Послышался тихій стукъ въ дверь. Мальчикъ вскочилъ со стула и отодвинулъ засовъ. Вошла Валя съ растрепанными волосами, въ коротенькомъ фланелевомъ платицѣ и съ теплымъ платкомъ на плечахъ.

Коля подскочилъ къ кроваткѣ.

— Сейчасъ твоя свѣчка догоритъ, сказала она, — оглядывая со страхомъ темную комнату. Тебѣ не страшно будетъ въ потьмахъ?

— Нѣтъ... отвѣтилъ Коля. — Только вотъ холодно немного!

— Отчего-же ты не сойдешь внизъ?

— Хозяинъ будетъ бить меня. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ утонулъ нашъ папа и тетя отдала меня въ услуженіе къ сапожнику, онъ бьетъ меня каждый день.

— За что-же онъ бьетъ тебя?

— За то, что я не умѣю шить сапоги и сорю, когда по ночамъ дѣлаю корабликъ.

Валя глубоко вздохнула и дѣти долго, молча просидѣли вмѣстѣ на чердакѣ.

— Если-бъ былъ живъ нашъ папа, нарушила наконецъ молчаніе Валя, — то у насъ сегодня была бы ёлка...

— Да... отвѣтилъ Коля. — Но тебѣ-бы сдѣлали подарокъ, а мнѣ нѣтъ...

— Почему-же?

— Потому что... потому что папа не любилъ меня. Тебя любилъ, а меня нѣтъ...

Валя виновато опустила глаза и опять глубоко вздохнула.

— А все-таки хорошо, когда бываетъ ёлка, — сказала она. — Такъ весело, приятно... Блистаютъ огоньки...

Валя съ грустью поглядѣла на корабликъ.

И вотъ явился къ нему ангель...

Мнѣ такъ-бы хотѣлось, чтобы у насъ была ёлка!

Коля со всѣхъ сторонъ оглядѣлъ свой корабликъ.

— Знаешь, что? сказалъ онъ и глаза его заблестали. Ему стало жаль сестру.—Въ третьемъ этажѣ нашего дома, съ парадной лѣстницы, живетъ какой-то богатый господинъ. Я видѣлъ, какъ однажды ему подали лошадь, и какъ онъ сѣлъ въ коляску и куда-то укатилъ. Должно быть это докторъ или важный баринъ... Пойдемъ къ нему и попросимъ его, чтобы онъ купилъ у меня этотъ корабликъ... Тогда мы купимъ себѣ гостинцевъ, я отпущусь у хозяина, приду къ вамъ и мы устроимъ вмѣстѣ ёлку... Хорошо?

Валя съ грустью поглядѣла на корабликъ.

— А тебѣ не жаль его? спросила она.—Вѣдь ты его готовилъ для папы!

— Но вѣдь папы уже нѣтъ... отвѣтилъ Коля.—Онъ утонулъ.

На глазахъ у дѣтей заблестали слезы.

Увидѣвъ, что Валя плачетъ, Коля взялъ въ одну руку корабликъ, а другую рѣшительно протянулъ къ сестрѣ.

— Пойдемъ! сказалъ онъ.

— Куда?

— Къ важному барину!

Они вышли изъ чердака, спустились по грязной лѣстницѣ во дворъ, затѣмъ вышли на улицу и съ параднаго крыльца стали подниматься къ «важному дядѣ». Вотъ и его квар-

тира. У двери стоитъ большая, связанная ёлка, распространяя вокругъ себя хвойный запахъ. На ёлкѣ лежитъ еще снѣгъ,—значитъ эту ёлку только что купили и только что внесли въ домъ и поставили на парадной лѣстницѣ.

Коля поднимаетъ руку и нажимаетъ звонокъ. Динь-динь-динь!..

Дѣтямъ отворяетъ горничная съ бѣлой наколкой на головѣ и говоритъ:

— Докторъ уже окончилъ приемъ... Онъ принимаетъ только до четырехъ часовъ.

Но, увидѣвъ печальныя лица дѣтей, она смягчается и впускаетъ ихъ въ кабинетъ.

— Войдите, говоритъ она.—Быть можетъ, докторъ васъ еще и приметъ.

Они входятъ въ кабинетъ... Спущены занавѣски, сумрачно и на столѣ стоитъ электрическая лампа и освѣщаетъ весь уголь. У стола сидитъ самъ докторъ въ очкахъ и водитъ карандашомъ по бумагѣ.

— Что у васъ болитъ, дѣтки? спрашиваетъ онъ ихъ.

Коля смѣло выступаетъ впередъ и протягиваетъ къ нему корабликъ.

— Господинъ докторъ, говоритъ онъ,—купите у насъ вотъ этотъ корабль. Я готовилъ его въ подарокъ своему папѣ, но папа потерпѣлъ крушение и утонулъ, и теперь мы съ сестрой остались сиротами. Намъ хочется имѣть сегодня ёлку, но у насъ нѣтъ денегъ и вотъ я принесъ вамъ мой корабликъ.

Докторъ взялъ отъ него корабль и оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Гдѣ ты купилъ его? спросилъ онъ Колю.

— Я его сдѣлалъ самъ, отвѣтилъ Коля.

— Ты обманываешь меня, мальчикъ, продолжалъ докторъ.— Такъ можетъ сдѣлать только ученый мастеръ.

Коля стыдливо опустилъ глаза.

— Я никогда не вралъ... сказалъ онъ.— Я это сдѣлалъ самъ.

— Гдѣ же ты учишься? продолжалъ докторъ.

— Тетя Анна отдала меня къ сапожнику, но я не умѣю шить сапоги и онъ часто бьетъ меня колодкой прямо по головѣ...

Докторъ всталъ, подошелъ къ дѣтямъ, подвелъ ихъ поближе къ лампѣ и долго и пристально смотрѣлъ имъ въ глаза.

— Кто былъ вашъ отецъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Капитанъ Григорьевъ, смѣло отвѣчалъ Коля.— Онъ командовалъ шкуной «Чайка», но потерпѣлъ крушеніе и утонулъ. Теперь мы сироты... Валя живетъ у тети, а я работаю у сапожника Гуськова въ этомъ же домѣ, во дворѣ.

— А гдѣ живетъ ваша тетя?

— На Рыбачьей улицѣ, въ домѣ Панова.

Докторъ записалъ.

— Хорошо, дѣти, сказалъ онъ,— идите къ себѣ домой. Оставьте у меня вашъ корабликъ и отправляйтесь съ Богомъ!

Дѣти подождали нѣсколько времени, думая, что докторъ дастъ имъ за корабликъ денегъ, но онъ этого не сдѣлалъ, и, нажавши кнопку, позвонилъ. Въ кабинетъ вошла горничная, взяла дѣтей за локти и вывела ихъ въ прихожую и затѣмъ изъ прихожей на лѣстницу. Полные удивленія, глотая слезы, они вышли на улицу и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

— Прощай, Коля... сказала Валя.— Приходи сегодня къ намъ, если отпуститъ хозяинъ!

— Прощай, Валя!

И каждый пошелъ своей дорогой.

Дуль вѣтеръ, было морозно и снѣгъ тучами носился по улицамъ и нѣлыми облаками срывался съ крышъ.

— У насъ будетъ ёлка!.. шепталъ по дорогѣ Коля и больно кусалъ себѣ губы.— У насъ будетъ сегодня ёлка.

И вмѣсто того, чтобы идти къ хозяину, онъ все шелъ по улицѣ и шелъ, все время думая о томъ, какъ бы устроить ёлку. Ему не жаль было своего корабля, который такъ неожиданно оставилъ у себя докторъ. Ему было больно, что его сестра Валя, только что оправившаяся отъ тяжелой болѣзни, будетъ лишена того, что имѣла каждый сочельникъ.

Нѣтъ, она будетъ имѣть ёлку! Онъ докажетъ, что онъ уже не маленький, что онъ сумѣетъ позаботиться о своей сестрѣ и, если нужно, даже положить за нее жизнь.

И полный думъ и въ то же время тоски по уютной комнатѣ, гдѣ тепло

и гдѣ люди не дерутся колодками по головамъ, онъ незамѣтно для самого себя вышелъ изъ города.

Вотъ кладбище... Вотъ необозримая снѣжная равнина, теряющаяся въ темнотѣ, и вихри снѣга кружатся по ней и злобствующій вѣтеръ гуляетъ по ней на свободѣ. Вотъ одинокая кузница, въ которой лѣтомъ ковали лошадей, а теперь она стоитъ съ заколоченными дверьми. Коля проходитъ мимо нея и боится взглянуть налѣво, гдѣ изъ-за ограды кладбища выглядываютъ бѣлые памятники и надгробные кресты. Но вотъ ужъ и они остались позади. Вотъ ужъ сте-

мнѣло совсѣмъ и Коля сбился съ дороги. Онъ чувствуетъ, какъ погружаютъ въ снѣгу его ноги и какъ ему холодно и почему-то хочется пить.

Онъ останавливается и оглядывается по сторонамъ. Гдѣ онъ? Какъ и зачѣмъ онъ сюда попалъ?

Впереди—ночная тьма, позади—мелькаютъ огоньки далекаго города, слѣва—тянутся ветлы, насаженные вдоль дороги, а справа—молодой еловый лѣсокъ.

Вотъ сюда-то онъ и шелъ.

Онъ сворачиваетъ въ лѣсокъ, долго шаритъ у себя въ карманѣ, отыскиваетъ ножъ и, раскрывъ его окочен-

нѣвшими руками, начинаетъ срѣзать съ корня ёлку.

Теперь Валя можетъ быть покойна. У нея будетъ ёлка...

Вѣтеръ дуетъ съ удвоенной силой, морозъ леденитъ всѣ его члены и снѣгъ засыпается ему за шею, въ рукава, въ чулки... Онъ срѣзаетъ наконецъ ёлку, беретъ ее, выбѣгаетъ съ нею на дорогу и хочетъ идти

Господинъ докторъ, купите у насъ этотъ корабликъ.

домой. Но ноги не несутъ его, онъ шевелитъ пальцами въ башмакахъ, но пальцы не шевелятся, онъ старается потереть себѣ озябшія уши, но руки опускаются у него, какъ плети.

«Неужели замерзаю?»..мелькнуло у него въ головѣ.

Ему вдругъ сильно, невыносимо захотѣлось спать, онъ почувствовалъ, какъ какая-то странная истома сковала вдругъ всѣ его члены, и всѣмъ

своимъ тѣломъ онъ повалился на снѣгъ и закрылъ глаза.

И вотъ явился къ нему ангель. Свѣтлый, нѣжный, ласковый, онъ протянулъ къ нему свою легкую руку и его прозрачная одежда смѣшалась со снѣжинками и края ея растаяли въ воздухѣ.

— У тебя будетъ сегодня ёлка, сказалъ онъ голосомъ чарующимъ, какъ музыка, и прекраснымъ, какъ волшебный сонъ.— Не печалься... Счастливъ только тотъ, кто живетъ для другихъ, и тотъ, кого бьютъ колод-

— Отецъ! Отецъ! повторялъ мальчикъ.

ками по головѣ, скоро утѣшится. И ты этотъ счастливецъ!

И, запѣвъ пѣсню, ангель поднялся къ небу и тихо скрылся за облаками...

— Стой, братцы! погоди! раздался вдругъ чей-то грубый голосъ.— Здѣсь кто-то лежитъ!

— Тпру!.. слышался другой голосъ ему въ отвѣтъ.— И впрямь кто-то лежитъ.

— Смотрите, братцы,—вѣдь это мальчикъ!

— Мальчикъ и есть! Глядите братцы, замерзъ сердешный!

Бѣжавшіе въ городъ ломовые извозчики увидали около дороги какой-то темный предметъ, остановили лошадей и, подойдя къ нему, увидали лежавшаго мальчика. Это былъ Коля. Онъ совсѣмъ почти замерзъ и, если-бы не таявшія около его губъ снѣжинки, то можно было-бы подумать, что онъ замерзъ совсѣмъ.

— Берите его! сказалъ одинъ изъ извозчиковъ.—Давайте его растирать!

— Да онъ уже не дышитъ! Развѣ не видишь, что онъ уже окостенѣлъ!

— Пустое! Три его сильнѣе, такъ отойдетъ!

И они принялись его растирать.

Затѣмъ они положили его въ сани и поѣхали съ нимъ въ городъ.

Когда Коля открылъ глаза, то увидалъ себя въ саняхъ. По бокамъ улицы тянулись фонари и были магазины съ ярко освѣщенными окнами. Въ верхнихъ этажахъ кое-гдѣ виднѣлись зажженные елки и мелькали головки дѣтей,—стриженныхъ мальчиковъ и свѣтлокудрыхъ дѣвочекъ съ бантиками, вплетенными въ волоса. Слышенъ былъ церковный звонъ: это звонили ко всенощной. Значитъ, было уже шесть часовъ. Спѣшили прохожіе, стараясь закупить къ празднику все необходимое. Послѣ снѣжной бури въ полѣ, буря въ городѣ казалась маленькой и не страшной.

— Гдѣ же ты живешь, мальчикъ? вдругъ обратился къ Колѣ одинъ

изъ извозчиковъ.—Куда тебя доставить?

Коля сообщилъ ему свой адресъ и они подвезли его къ дому, гдѣ жилъ сапожникъ Гуськовъ. Онъ вылѣзъ изъ саней, поблагодарилъ ихъ за то, что они доставили его домой и, не заходя къ хозяину и еле держась на ногахъ, грустно побрелъ къ себѣ на чердакъ.

Было холодно, дулъ въ щели вѣтеръ и безъ кораблика казалось такъ сиротливо, точно умеръ дорогой товарищъ или вѣрный, искренній другъ... Было неуютно и чуждо въ этомъ суровомъ чердакѣ, гдѣ бѣгали иногда съ пискомъ крысы, и такъ страшно, безумно хотѣлось ѣсть.

Кушать, кушать, кушать!

И сложивъ руки ладонями вмѣстѣ, Коля опустился на колѣни и сталъ молиться:

— Боженька, говорилъ онъ,—дай, чтобы воскресъ мой отецъ и чтобы онъ полюбилъ меня!

И ему показалось, будто бы онъ видитъ путеводную звѣзду, пещеру и въ ней Младенца-Христа, отъ котораго исходитъ свѣтъ гораздо ярче, нежели отъ того ангела, котораго онъ видѣлъ въ полѣ.

— Коля! Коля! Скорѣе!

Это кричала Валя, поднимаясь по лѣстницѣ съ такою быстротою, что ступени выскользали у нея изъ-подъ ногъ.

— Иду. Что случилось?

— Не скажу.

Она потащила брата внизъ. Дверь въ квартиру отворилась и Коля оста-

новился пораженный, но не тѣмъ, что передъ нимъ открылась поразительная картина и не тѣмъ, что въ комнатѣ горѣла ёлка. Глаза Коли, какъ очарованные, не могли оторваться отъ фигуры отца, который ожидалъ его, нелюбимаго Колю, съ распростертыми объятіями и восклицалъ:

— Коля! Коля! Мой милый, милый мальчикъ! Мой дорогой, любимый сынъ!

Коля вскрикнулъ отъ радости и въ первый разъ въ жизни бросился на грудь къ отцу и зарыдалъ. Отецъ уложилъ его на диванъ и далъ ему успокоиться. Взглядъ Коли переходилъ съ ярко освѣщенной елки на отца и на Валю, которая протягивала къ нему руки... Отъ свѣчки нечаянно вспыхнула одна изъ вѣточекъ елки, прогорѣла и потухла, распространивъ по комнатѣ пріятный смолистый запахъ.

— Отецъ! Отецъ! — повторялъ мальчикъ.

Наболѣвшая душа ребенка, казалось, не могла насытиться звуками этого слова.

Теперь у него былъ отецъ.

Тутъ же ходила тетя Анна и тутъ же на диванѣ сидѣлъ добрый докторъ и радостными глазами смотрѣлъ на дѣтей.

Откуда была эта ёлка? Откуда появился вдругъ неожиданный отецъ?

Коля посмотрѣлъ на доктора и понялъ все. Эта елка—была уплатой за его корабликъ, а отецъ...

Но въ это время къ Колѣ подошла его мать, посадила его къ себѣ на колѣни и стала ему рассказывать о томъ, какъ онъ потерпѣлъ крушеніе, какъ спасся и какъ цѣлыя долгія недѣли пролежалъ больной въ убогой хижинѣ прибрежнаго рыбака.

А въ это время на сосѣдней церкви зазвонили въ колокола и пѣвчіе тихо и стройно запѣли: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе»!.. **Ч.**

ПОСЛѢ ЁЛКИ.

Огни на ёлкѣ, ожерелья,
На вѣткахъ лакомства висятъ,
Кругомъ восторгъ, кругомъ веселье,
И глазки дѣтскіе горятъ...

Готовы дѣти любоваться
На ёлку чуть не до утра,
Они не могутъ съ ней разстаться
Хотя-бы спать была пора.

На нихъ бумажные наряды,
На комъ колпакъ, на комъ халатъ,
Но дѣтки счастливы и рады,
Что имъ устроены маскарады.

Но вотъ предательски — уныло
Часы звонятъ, ихъ спать зовутъ,

И дѣткамъ жаль того, что было,
Они съ тоскою спать идутъ.

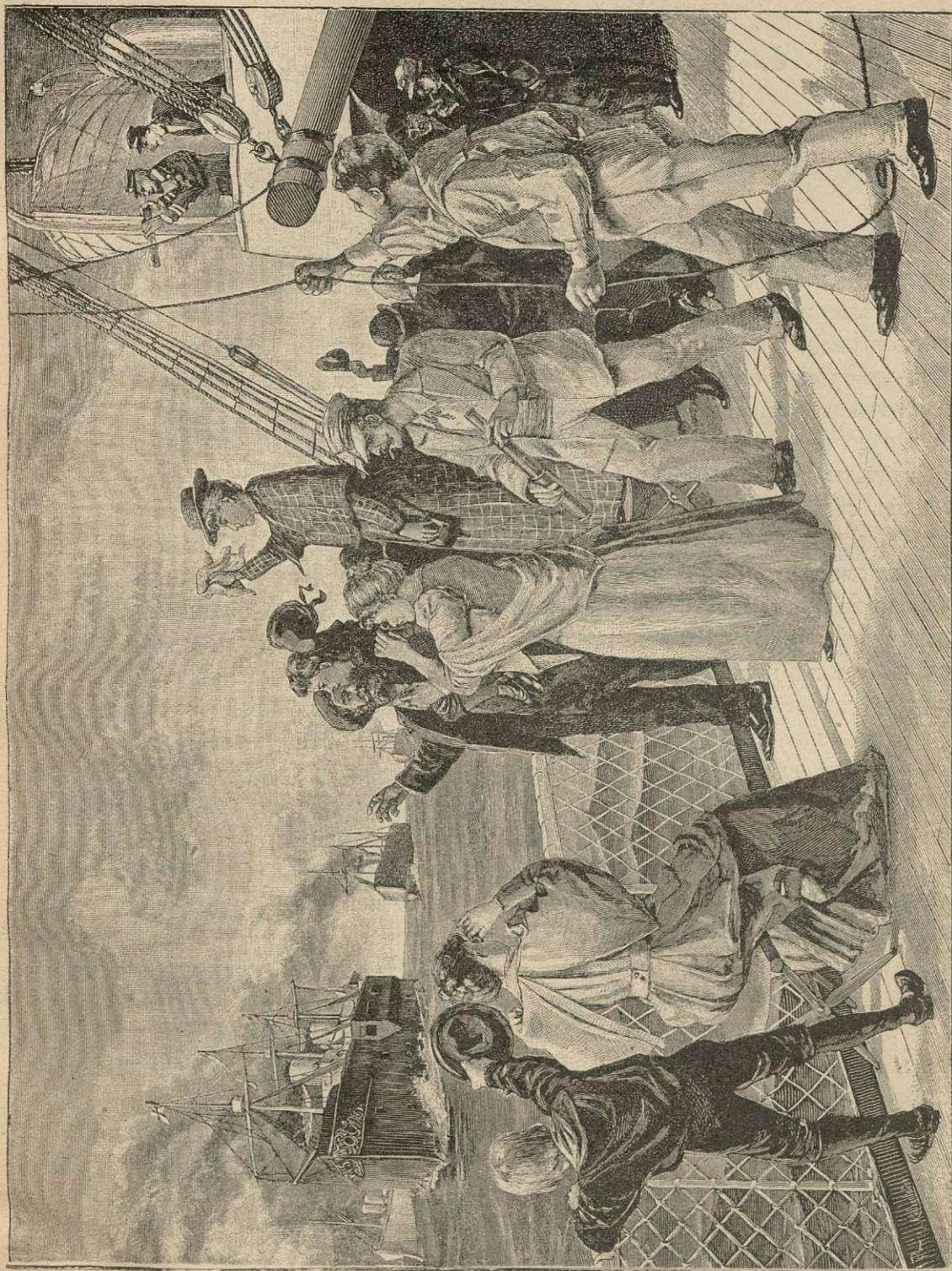
Ужели имъ сейчасъ придется
Снимать свой ёлочный нарядъ?
Они уходятъ, сердце бьется
И щеки алая горятъ...

— «О, ёлка милая, когда ты
Насъ такъ порадуешь опять?»
И съ этой мыслию ребята
Вдругъ начинаютъ засыпать.

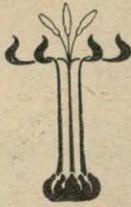
Имъ снятся сны прелестнѣй сказки,
Во снѣ ихъ ангелы зовутъ,
Они-жъ порой откроютъ глазки,
Но тотчасъ сладко и уснутъ. **Ирисъ.**

Јакомџа.

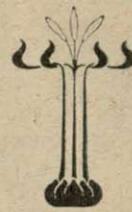
Встрѣча въ морѣ на Рождество. Съ праздникомъ! Счастливаго пути!

ЧУЖОЕ ИМЯ.

Романъ ¹⁾.

(Продолженіе).

VI.

На другой день Джоржъ Ваграмъ взялъ съ собою Маргариту и спустился съ ней въ подвалы своей виноторговли. Теперь онъ былъ такимъ-же хозяиномъ, какъ и Генри Тернеръ, и долженъ былъ ознакомиться со всѣмъ.

Сводчатые подвалы были огромны и очень стары. Спертый воздухъ, запахъ плесени и гуль ходьбы и ѣзды по улицамъ наверху производили на всякаго свѣжаго человѣка непріятное впечатлѣніе. Ваграмъ шелъ все впередъ, пока на поворотѣ не увидаль вдругъ человѣка, державшаго въ рукѣ зажженную свѣчку.

— А, это вы, Джой? воскликнулъ Ваграмъ.

— Скорѣй-бы мнѣ слѣдовало сказать, отвѣтилъ Джой Ладль: — «А, это вы здѣсь, г-нъ Ваграмъ?» Зачѣмъ вы здѣсь? да еще съ барышней? Здѣсь мое мѣсто, а не ваше!

— Не ворчите, Джой!

— Развѣ я ворчу? Побыли-бы вы здѣсь сорокъ пять лѣтъ, такъ не такъ-бы еще заговорили! Я и то сдерживаю себя, а если-бы я далъ себѣ волю, то заревѣлъ-бы, какъ старый бегемотъ. Такъ вы, стало быть, окон-

чательно стали нашимъ компаньономъ, г-нъ Джоржъ?

— Окончательно.

— Ну, въ такомъ случаѣ, пойдемте; я покажу вамъ эти подвалы, съ гордостью продолжалъ Джой Ладль. — Въдъ имъ болѣе пятисотъ лѣтъ, это самые старинные подвалы во всемъ Лондонѣ.

И онъ повелъ Ваграма и Маргариту по подваламъ. Было темно, съ улицы попрежнему доносился гуль ѣзды и сырость начинала пронизывать Маргариту насквозь.

— Дядя, пойдемъ отсюда!.. сказала она. — Мнѣ холодно!

— Сейчасъ, милая, отвѣтилъ Ваграмъ. — Надоознакомиться съ дѣломъ!

И, обратившись къ Джою Ладлю, онъ сказалъ:

— Отчего это у васъ здѣсь такая нечистота?

— Нечистота? удивился тотъ. — Да здѣсь чище, чѣмъ въ любой гостиной у васъ наверху!

— А эти грибы на стѣнахъ? Эта плесень?

Ваграмъ коснулся ихъ палкой.

— Не троньте ихъ, г-нъ Ваграмъ! испугался вдругъ Джой.

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

— А что?

Джой сдѣлалъ таинственное лицо.

— Эти грибы висятъ здѣсь уже пятьсотъ лѣтъ, сказалъ онъ,—и прикасаться къ нимъ нельзя...

— Почему-же?

— У насъ, погребщиковъ, есть поверье, что на кого эти грибы упадутъ, тому не жить долго на свѣтѣ!

Ваграмъ засмѣялся, Маргарита сдѣлала большіе глаза. Джой пристально сталъ глядѣть на свѣчку и задумался.

— Все это пустяки, Джой, возразилъ Ваграмъ и еще разъ поковырялъ палкой плесень.— Вы вѣрите въ предразсудки. Что можетъ быть общаго между этими грибами и продолжительностью жизни человѣка?

И вдругъ большой кусокъ плесени сорвался съ потолка и упалъ прямо на Джоржа Ваграма. Маргарита вскрикнула, Джой Ладль вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ свѣчу. Она упала на полъ и загасла: Стало темно.

— Ну, что вы сдѣлали?.. проворчалъ Джой Ладль.—Нужно-же вамъ было трогать эти грибы?

— Все это пустяки! еще разъ повторилъ Джоржъ Ваграмъ.— Одно только суевѣріе и больше ничего!

И въ слѣдующую затѣмъ минуту они вышли изъ подваловъ на Божій свѣтъ.

На порогѣ Джой Ладль взялъ Маргариту за руку и притянулъ ее къ себѣ.

— Знаете, моя дорогая барышня, обратился онъ къ дѣвочкѣ.—За всѣ

сорокъ пять лѣтъ, пока я здѣсь, въ эти подвалы еще ни разу не входилъ ребенокъ. И вотъ вы вошли! Спасибо вамъ!

И, горячо обнявъ Маргариту, онъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ей руку.

— Вотъ помяните мое слово, г-нъ Джоржъ, обратился онъ къ Ваграму.—Эта барышня принесетъ намъ большое счастье!

И онъ еще разъ поцѣловалъ ей руку, прослезился отъ умиленія и сталъ зажигать свѣчу.

— Сорокъ пять лѣтъ не разговаривалъ съ дѣтьми!.. проговорилъ онъ.—И вотъ на старости лѣтъ Господь сподобилъ... Все въ подвалахъ, да въ подвалахъ... Точно какой-нибудь кротъ!..

И быстро наклонившись къ Маргаритѣ, онъ шепнулъ ей на ухо слѣдующую фразу:—

— Берегите вашего дядю... Если что съ нимъ случится, то скажите мнѣ и мы оба его спасем!

И громко высморкавшись въ красный платокъ, онъ сталъ обратно спускаться къ себѣ въ подвалы.

Прошло два мѣсяца. Генри Тернеръ сталъ мало-по-малу успокаиваться и забывать о томъ, что ему рассказала экономка; Ваграмъ помогалъ ему во всѣхъ дѣлахъ и во всемъ домѣ сразу-же появились тѣ изысканства и теплота, которыя способна повести въ холостомъ домѣ одна только женщина. Маргарита бѣгала

повсюду, изъ дома въ подвалы, изъ подваловъ въ контору, изъ конторы въ кабинетъ къ Генри Тернеру и всюду слышался ея милый, веселый голосокъ, похожій на весеннее щебетанье ласточки. Это умиляло Генри Тернера, который давно уже привыкъ къ одинокой жизни, и, прислушиваясь къ ея голосу или шагамъ, онъ ласково улыбался и самъ себѣ говорилъ:

— Какъ это хорошо, что у насъ есть дѣвочка. Это похоже на семью.

А Джой Ладль, слышавъ ея голосокъ, выползалъ изъ своей норы и весело осклаблялся.

— Хорошо! говорилъ онъ. — Это даже очень хорошо!

И не сказавши, что именно хорошо, онъ снова уползалъ къ себѣ въ подвалы.

Генри Тернеръ рѣшилъ привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе и сталъ устраивать хоръ. Среди прикащиковъ нашлись трое съ голосами и съ кое-какими музыкальными способностями, такъ что хоръ не замедлилъ скоро составиться. Хоромъ руководилъ самъ Тернеръ. При этомъ у Маргариты оказался такой восхитительный голосокъ и такъ она умѣла уже играть на фортепiano, что Тернеръ принялъ ее къ себѣ въ хоръ и скоро она стала каждое воскресенье пѣть въ приходской церкви. Ея звонкій голосокъ покрывалъ собою голоса всѣхъ другихъ бегемотовъ, участвовавшихъ въ хорѣ, и это приводило Тернера въ восторгъ.

— Отлично! Отлично! то и дѣло повторялъ онъ, и всякій разъ горячо

цѣловалъ Маргариту въ розовую щечку.— Ты нашъ маленькій голосистый соловей! говорилъ онъ.

По пятницамъ устраивались концерты въ домѣ Тернера.— Маргарита садилась за фортепiano, ее окружали бегемоты и начиналось разучиваніе разныхъ свѣтскихъ пѣсенъ. Такое-же чарующее впечатлѣніе, какъ и на Тернера, производилъ голосъ Маргариты и на Джоя Ладль. Сперва онъ объявилъ все это дѣло чепухой и всѣхъ исполнителей стаей воющихъ собакъ, но когда однажды Маргарита запѣла одна, то онъ широко разинулъ ротъ и не закрывалъ его до тѣхъ поръ, пока она не кончила. Затѣмъ, вставъ торжественно съ мѣста, онъ подошелъ къ ней, сдѣлалъ ей низкій поклонъ и сказалъ:

— Вы намъ принесете счастье, Маргарита... Вѣдь такія, какъ вы, всегда приносятъ счастье!

И, всякій разъ затѣмъ, какъ Маргарита должна была пѣть одна, она оглядывалась по сторонамъ и спрашивала:

— А гдѣ-же мой Джой? Пошлите за Джоемъ Ладлемъ! Я безъ него пѣть не могу!

Это умиляло старика и онъ всегда охотно выползалъ изъ своихъ подваловъ наверхъ, чтобы послушать пѣніе Маргариты и, слушая его, всякій разъ вынималъ изъ кармана красный клѣтччатый платокъ и, чтобы скрыть наvertывавшіяся слезы, громко сморкался въ него.

— Тише, Джой! говорилъ ему въ такихъ случаяхъ Тернеръ.— У насъ вѣдь сегодня пѣніе, а не концертъ на трубахъ!

Джой Ладль былъ туговать на ухо. Въ первый разъ, когда запѣла Маргарита, онъ жался около стѣны, приложивъ руку къ лѣвому уху, и все подвигался, подвигался, пока не пересѣлъ на стулъ почти возлѣ самой пѣвуньи. Въ слѣдующую пятницу повторилось тоже самое и кончилось дѣло тѣмъ, что это замѣтила и сама Маргарита. Такимъ образомъ въ послѣдующіе вечера установился такой обычай: прежде чѣмъ начать пѣть, Маргарита всегда спрашивала:—«А гдѣ-же мой Джой?» Ваграмъ отправлялся за Джоемъ и всякій разъ Маргарита сажала его около себя. Это льстило старику и онъ слушалъ ее съ такимъ благоговѣніемъ и принявъ такую позу, что его можно было принять за носорога, стоявшаго на заднихъ ногахъ. А послѣ пѣнія онъ приходилъ въ такой восторгъ, что когда его спрашивали:—«что вы на это скажете, Джой?» то онъ постоянно отвѣчалъ одно и тоже:

— Она дѣйствительно поетъ, какъ ангель, а вы все ревете, какъ голодные шакалы!

Но скромнымъ удовольствіямъ и невиннымъ шуткамъ этихъ пятницъ не суждено было продолжаться долго. Здоровье Генри Тернера день ото дня становилось все хуже и хуже. Онъ, можетъ быть, и перенесъ-бы свалившійся на него ударъ, причи-

ненный ему тяжкимъ открытіемъ его экономки, но здоровье его и такъ было не важное и свалившееся на него испытаніе было сверхъ его силъ. Мало-по-малу подъ гнетомъ неутомной, тоскующей мысли о томъ, что онъ не Генри Тернеръ, а кто-то другой, тѣло его осунулось, походка потеряла гибкость и легкость, глаза перестали подниматься съ земли.

Наконецъ мѣсяцевъ черезъ пять онъ слегъ въ постель и экономка стала за нимъ ходить.

— Можно мнѣ васъ звать не г-жа Гольдстрау, обратился къ ней больной,—а просто Джемми, какъ я это дѣлалъ когда-то въ Воспитательномъ домѣ?

— Пожалуйста! отвѣтила ему Гольдстрау.

Онъ взялъ ее за руку и глубоко вздохнулъ.

— Крюгеръ сказалъ когда-то Ваграму, что міръ очень малъ, сказалъ онъ,—и что неудивительно, что люди такъ часто встрѣчаются и сходятся въ различныхъ мѣстахъ земного шара. Но не странно-ли, Джемми, что, несмотря на это, я все-таки не встрѣтился ни съ кѣмъ и остался опять безроднымъ найденышемъ, какимъ былъ и въ Воспитательномъ домѣ?

Она погладила его рукой по волосамъ.

— Это оттого, Джемми, продолжалъ онъ,—что я скоро умру.

— Вы не умрете, дорогой Генри!.. сказала она.

Онъ протянулъ ей руку. Она ласково ее взяла.

— Старое чувство безродности и безпріютства, продолжалъ онъ, — опять возвратилось ко мнѣ, Джемми. То самое чувство, съ которымъ я засыпалъ тамъ, въ Воспитательномъ домѣ, подъ шорохъ и шепотъ подкинутыхъ сиротъ... Позови ко мнѣ Маргариту!

Маленькая Маргарита вбѣжала въ спальную и бросилась къ больному Тернеру. Онъ притянулъ ее къ себѣ, долго смотрѣлъ ей въ глаза и потомъ заплакалъ.

— Поцѣлуй меня!.. сказалъ онъ ей.

Она поцѣловала его въ лобъ, въ губы и въ глаза.

— Теперь иди къ себѣ въ дѣтскую и играй! сказалъ онъ ей.

Она вышла, а онъ взялъ Джемми за руку и сталъ ей шептать:

— Я полюбилъ ее, какъ родную дочь, Джемми... Она хорошая дѣвочка... Если не найдется тотъ, другой, вмѣсто котораго взяла меня изъ Воспитательнаго дома мать, то все это имущество я завѣщаю ей!

Онъ полѣзъ къ себѣ подъ подушку и досталъ оттуда конвертъ.

— Это мое духовное завѣщаніе... сказалъ онъ.— Возьми его, Джемми, и сохрани его въ теченіи двухъ лѣтъ. Послѣ двухъ лѣтъ, если въ теченіи ихъ не явится этотъ другой, все мое имущество должно принадлежать Маргаритѣ и... и тебѣ!

Она взяла отъ него конвертъ и слезы потекли у нея по щекамъ.

Немного погодя, онъ сказалъ:

— Поцѣлуй меня, Джемми...

И онъ вообразилъ себя въ дѣтской Воспитательнаго дома.

Какъ и тогда Джемми наклонилась надъ бездомными, безродными дѣтьми, такъ и теперь она наклонилась надъ нимъ и, коснувшись губами его лба, прошептала:—

— Господь съ тобой!

— Господь съ тобой! повторилъ онъ тѣмъ-же тономъ.

Еще погодя, онъ пришелъ въ себя и открылъ глаза.

— Не тронь меня, мнѣ хорошо, сказалъ онъ... Только, Джемми, кажется, пришла мнѣ пора...

Онъ не окончилъ этой фразы, глубоко вздохнулъ, вытянулся во весь свой ростъ и умеръ.

Его обмыли, одѣли, положили его на столъ, отпѣли надъ нимъ панихиду и отвезли его на кладбище. И когда вернулись домой, то по всѣмъ комнатамъ стало такъ пусто-пусто, точно покойный Генри занималъ сразу весь домъ.

И стала Джемми нянькой Маргариты. Съ этихъ поръ онѣ вмѣстѣ проводили свое время и часто выходили изъ своей дѣтской съ заплаканными, опухшими глазами: имъ жалко было Генри Тернера.

— Бѣдный дядя! вздыхала Маргарита.

— Бѣдный подкидышъ! шептала про себя Джемми и кончикомъ косянки утирала себѣ глаза.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВАЯ МАМА.

Посреди большой свѣтлой комнаты стояла пышная, развѣсистая елка. Вокругъ нея хлопатали дѣти. Они украшали елку. Голоса ихъ звенѣли, какъ колокольчики. Они радовались и веселились отъ всей души. Какъ вдругъ, широко распахнувъ дверь, въ комнату вошелъ высокій господинъ съ длиною сѣдою бородою. Въ рукахъ онъ держалъ массу всевозможныхъ свертковъ и коробокъ.

— Дѣдушка, дѣдушка!—закричали дѣти, всей гурьбой кинулись ему на встрѣчу и обступили его со всѣхъ сторонъ.

— Ну, ну! — говорилъ дѣдушка, кладя свои свертки на столъ и едва успѣвая отвѣчать на ихъ поцѣлуи и объятія.— Смотрите, мозоли мнѣ не отдавите!

Когда дѣти поуспокоились немного, онъ ихъ спросилъ:

— Не помочь-ли вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка!—закричали дѣти. Мы сами елку украсимъ. Мы общали папѣ и Натальѣ Александровнѣ, что все сами сдѣлаемъ; никого не станемъ беспокоить!

— Ну, хорошо, хорошо!.. отвѣтилъ дѣдушка, сѣлъ въ кресло поодаль и сталъ любоваться на ихъ работу.

Вдругъ чья-то рука крѣпко обвила его шею. Маленькій голубоглазый Боря обнялъ дѣдушку и прижался къ нему.

— Дѣдушка, я тебѣ что-то на ушко скажу!.. — зашептала онъ.— Знаешь, дѣдушка? Сегодня Вѣрочка цѣлый день въ своей комнатѣ сидитъ и все плачетъ, къ намъ не хочетъ идти; я ее звалъ, а она не идетъ...

— А что такое? Что съ ней? — встревожился дѣдушка.

— Не знаю! — отвѣтилъ Боря.— Все сидитъ и плачетъ...

Дѣдушка всталъ и быстро вышелъ изъ залы. Занятая своей работой дѣти даже не замѣтили его ухода. Только голубоглазый Боря проводилъ его долгимъ взглядомъ, въ которомъ засвѣтилась надежда, что дѣдушка поможетъ горю его любимой сестры.

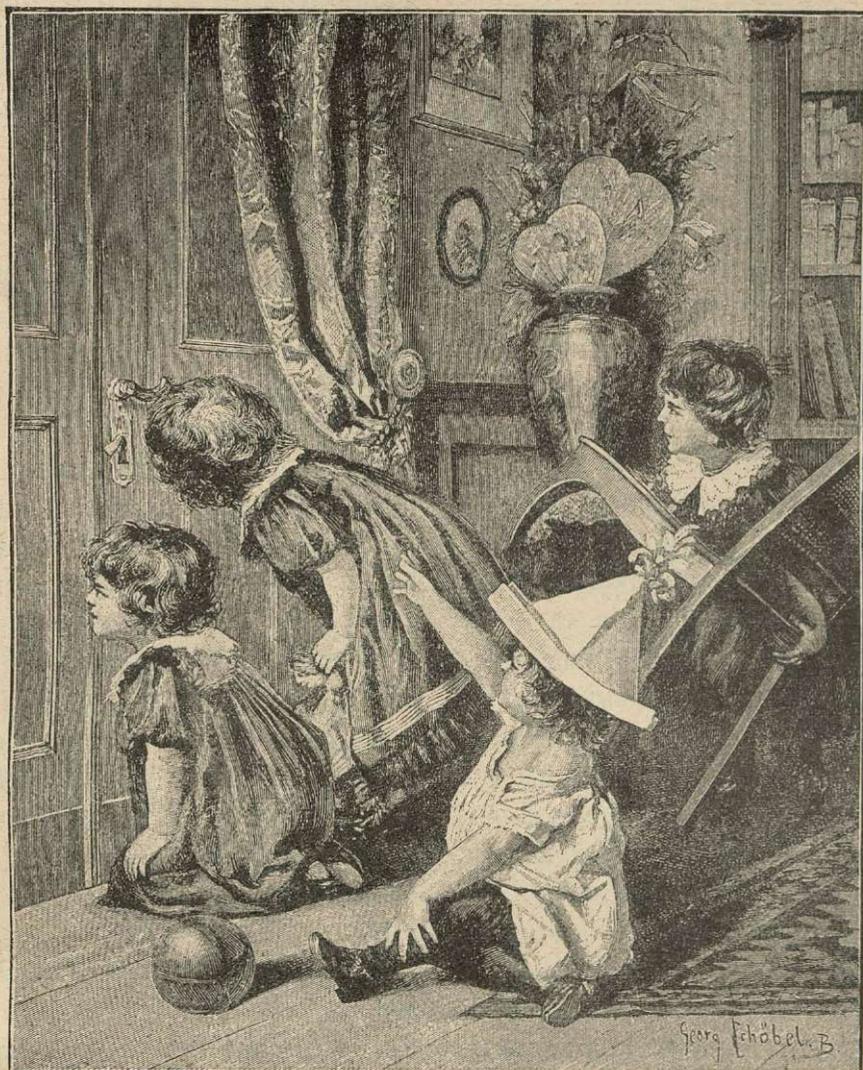
Дѣдушка отворилъ дверь въ дѣтскую и остановился на порогѣ. Хорошенькая дѣвочка, лѣтъ десяти, сидѣла передъ своимъ письменнымъ столикомъ и, положивъ головку на книги и тетради, неутѣшно плакала. Батистовый платочекъ въ ея рукѣ былъ совершенно мокрымъ отъ слезъ; ея худенькія плечи вздрагивали отъ душившихъ ее рыданій. Дѣдушка тихонько подошелъ къ дѣвочкѣ и положилъ ей руку на плечо.

— О чемъ ты, Вѣрусъ? — спросилъ онъ ее.— Какое горе стряслось надъ тобой?

Вмѣсто отвѣта Вѣрочка схватила руку дѣдушки, прижалась къ ней

Елка срублена.

Тссс!.. Ёлку украшаютъ!..

щекой, мокрой отъ слезъ, и заплакала еще сильнѣе.

— Перестань же, Вѣрочка! ска- залъ дѣдушка.—Сядемъ на диван- чикъ рядкомъ да потолкуемъ лад- комъ!

Онъ обнялъ дѣвочку и сѣлъ ря- домъ съ ней на диванъ.

— Ну, рассказывай, въ чемъ дѣло?— спросилъ онъ.

Вѣрочка закрыла платкомъ глаза и чуть слышно произнесла:

— Папа сказалъ сегодня...—начала она,—что у насъ... у меня... будетъ новая... новая мама!—и она вновь залилась горькими слезами.—А я не хочу... новой мамы!—продолжала она.—Моя мама умерла! Не надо мнѣ другой!.. У меня есть Наталья Александровна, и больше мнѣ никого не надо!..

— Такъ вотъ оно что!—сказалъ дѣдушка.—Не хочешь новой мамы?—Такъ, такъ... А кто же поможетъ вашему папѣ справиться со всѣми вами?

Дѣвочка молчала.

— Вѣдь васъ шестеро!—продолжалъ дѣдушка.—Легко сказать, а каково услѣдить, чтобы всѣ вы себѣ носы не поразбивали?

— Мы и сейчасъ не разбиваемъ,—отвѣтила Вѣрочка, чуть улыбнувшись сквозь слезы.—Наталья Александровна насъ любитъ, присматриваетъ за всѣмъ въ домѣ, и мы ее любимъ, такъ, какъ нашу маму. Намъ и мама велѣла ее любить и слушаться во всемъ. А теперь придетъ къ намъ какая-то чужая, злая, нехорошая. Она не будетъ любить насъ; Наталья Александровна уйдетъ; никто за насъ не заступится, если новая мама насъ станетъ обижать!

— Ну, полно!—старался успокоить ее дѣдушка.—Все обойдется по-хорошему! Иди-ка лучше къ елкѣ, развлекись тамъ немножко...

— Мы всѣ будемъ плакать, будемъ страдать, а Натальи Александровны съ нами не будетъ, говорила Вѣрочка, не слушая его.—Я не хочу,

не хочу, чтобы Наталья Александровна уѣхала отъ насъ, а она уйдетъ непременно, если у насъ появится эта новая, противная, злая мама!

Дѣдушка ласково провелъ рукою по ея волосамъ.

— Ну, полно, полно!—сказалъ онъ.—Успокойся, все обойдется благополучно. А теперь умойся, пригладь себѣ волоски и пойдемъ въ залу елку украшать. Тамъ теперь, должно быть, дымъ корымысломъ идетъ. Одни, вѣдь, дѣти, безъ старшихъ.—Я привезъ много новыхъ бонбоньерокъ, выбери изъ нихъ себѣ самую лучшую для твоей милой Натальи Александровны и вечеромъ поднеси ей въ подарокъ отъ своего имени.

Вѣрочка поплакала еще немного, затѣмъ успокоилась и, все еще всхлипывая, ушла за ширмочки умываться, а дѣдушка, чему-то улыбаясь, присѣлъ къ столику и сталъ разсматривать ея книги.

— Дѣдушка! Очень замѣтно, что я плакала?—спросила Вѣрочка минуты черезъ двѣ, выйдя изъ-за ширмочекъ и приглаживая себѣ волосы.

— Не бѣда!—отвѣтилъ дѣдушка.—Никто не замѣтитъ! Всѣ такъ стараются елку украшать, что все на свѣтѣ забыли.

Бонбоньерки, привезенныя дѣдушкой на елку, были одна другой лучше. Вѣрочкѣ было очень трудно рѣшить, которую изъ нихъ подарить Натальѣ Александровнѣ.

Пока она ихъ разсматривала и выбирала, наступилъ часъ обѣда. Папы

не было, дѣти обѣдали съ однимъ дѣдушкой. Губернантка ихъ Наталья Александровна тоже не пришла къ обѣду, а затѣмъ стали съѣзжаться гости, приглашенные на елку. Нарядная, какъ куколка, Вѣрочка занимала гостей, какъ умѣла. Но сердечко ея было неспокойно. Ея тревожило, что она нигдѣ не видѣла Натальи Александровны. Даже за обѣдомъ ея не было.

— Навѣрно, папа сказалъ ей, что у насъ будетъ новая мама; Наталья Александровна обидѣлась и ушла совсѣмъ. А вдругъ она уѣхала отъ насъ навсегда?— испугалась Вѣрочка— и я не увижу ея больше никогда?

Она то блѣднѣла, то краснѣла, отвѣчала невпопадъ и сердце ея замирало. Но веселое праздничное настроеніе охватило всѣхъ гостей, и они были слишкомъ заняты елкой и подарками, чтобы обращать вниманіе на Вѣрочку.

Какъ на грѣхъ и дѣдушка ушелъ куда-то.

«Навѣрно онъ знаетъ, куда уѣхала Наталья Александровна, — подумала Вѣрочка, — и нарочно мнѣ не говоритъ всей правды!»

Съ каждой минутой безпокойство ея все росло и росло.

— Пойду искать дѣдушку!.. рѣшила она, наконецъ.— Попрошу его мнѣ все разсказать!

Она направилась къ дверямъ кабинета и вдругъ остановилась, какъ вкопанная. Бонбоньерка, которую она приготовила для Натальи Алексан-

дровны, выпала у нея изъ рукъ. Она глядѣла и не вѣрила своимъ глазамъ.

Въ залу, гдѣ сіяла огнями елка, вошли ея папа и Наталья Александровна. Оба нарядные, веселые, улыбающіеся, они привѣтливо здоровались съ обступившими ихъ гостями. Вѣрочка взглянула на свою губернантку и тутъ только поняла все.

Наталья Александровна притянула ее къ себѣ, обняла ее, прижала ее къ своему сердцу и тихо, но безконечно ласково, зашептала:

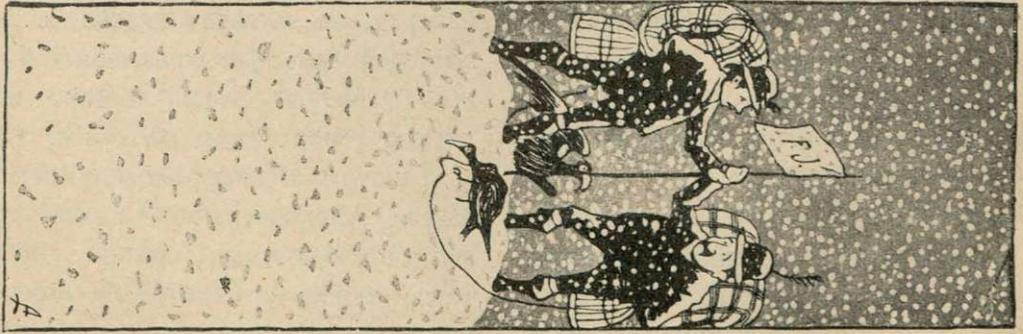
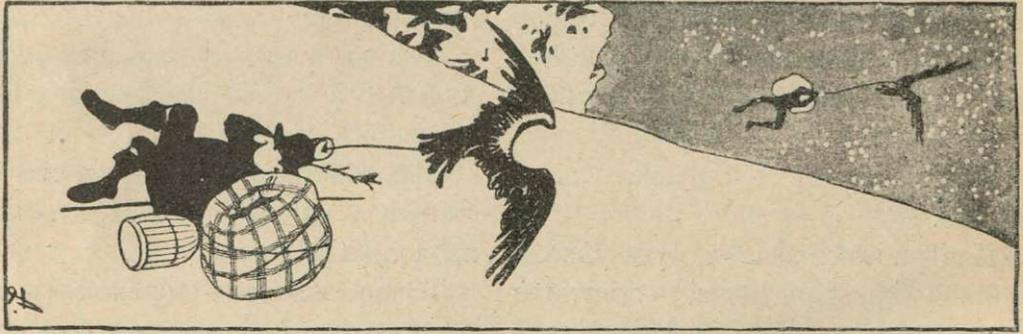
— Вѣрочка, дочка... Я воспитала тебя съ малыхъ лѣтъ... Теперь твой папа хочетъ, чтобы я была для васъ второй мамой. Я не могу замѣнить тебѣ вполнѣ твою родную маму, но если хочешь и можешь, то относись ко мнѣ такъ, какъ ты относилась до сихъ поръ!

Она вынула изъ кармана платокъ и поднесла его къ засверкавшимъ отъ слезинокъ глазамъ.

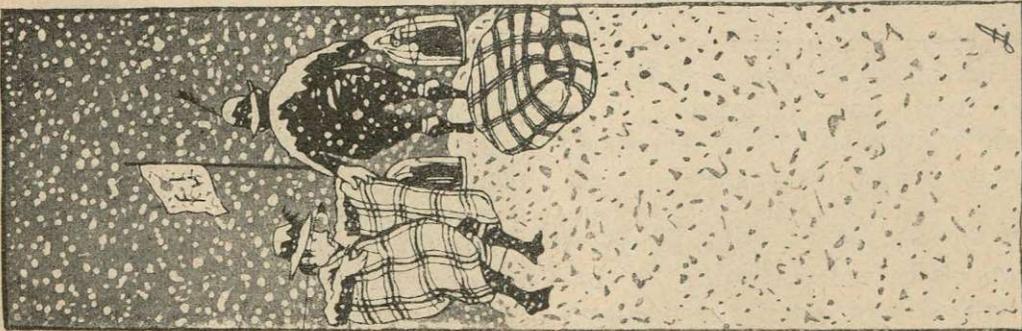
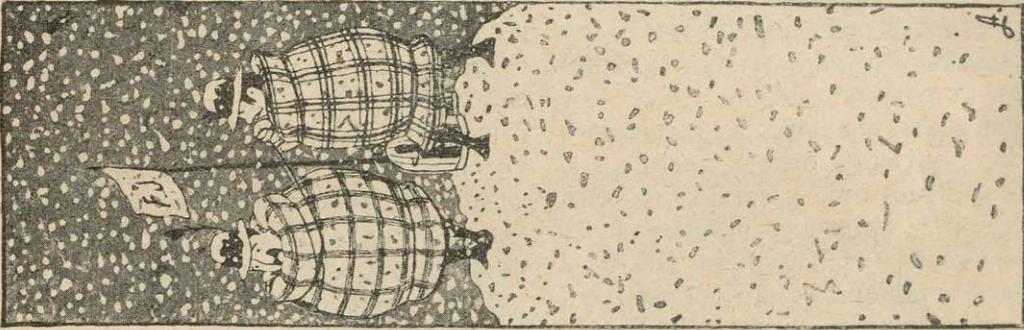
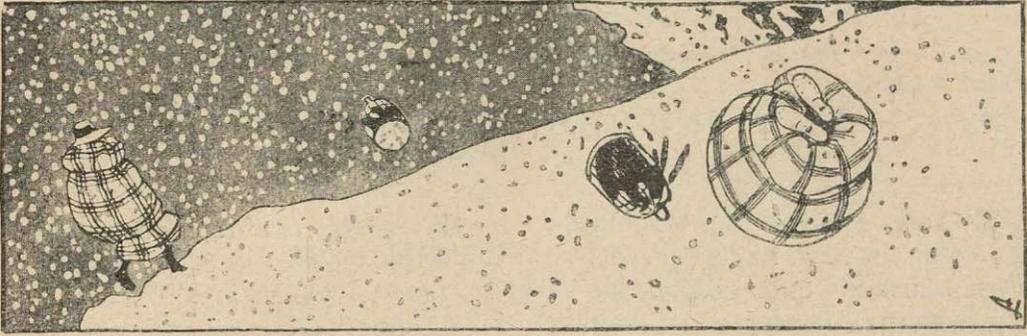
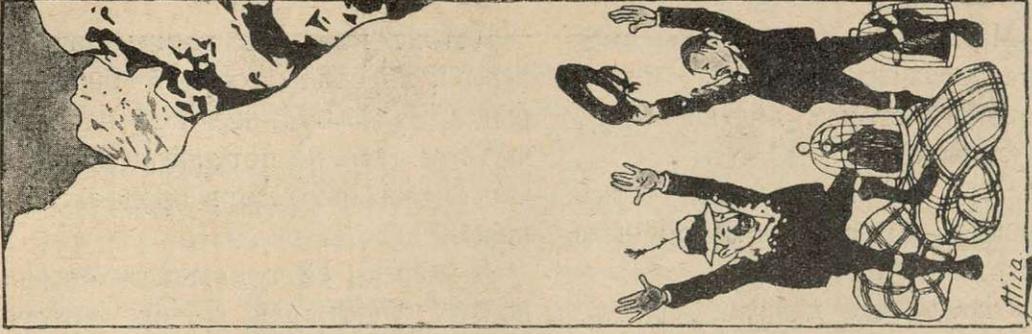
Вѣрочка вздрогнула, радостно посмотрѣла на нее и ждала, чтобы она продолжала еще.

Точно запахомъ душистыхъ цвѣтовъ пахнуло ей въ лицо или точно она услышала весной гдѣ-то тамъ, наверху, въ вѣтвяхъ деревьевъ веселое щебетанье возвратившихся весной птичекъ,—такъ хорошо и радостно у нея стало на душѣ.

И вдругъ ей захотѣлось обнять Наталью Александровну, сжать ее въ своихъ объятіяхъ крѣпко, крѣпко, такъ, чтобы показать ей, какъ горячо она ее любитъ.

Людните на гори на орлах.

Спускъ съ горъ въ перинахъ.

— Мама!.. милая!..—только и смогла она произнести.

А рядомъ стоялъ дѣдушка и весело улыбался себѣ въ усы.

— Что, Вѣрочка?—спросилъ онъ, наконецъ.—Довольна ты папинымъ подаркомъ къ елкѣ?

Вѣрочка только кивнула ему головой въ отвѣтъ и внѣ себя отъ радости бросилась къ папѣ на шею.

Потомъ начались танцы, шумныя игры и хороводы вокругъ елки. Вѣрочка глядѣла на нее и ей казалось, что эта елка не потухнетъ никогда, что очарованіе будетъ продолжаться вѣчно.

А впереди ей чудилась тихая, спокойная, счастливая жизнь, которой никогда не будетъ конца.

В. Ө. Смѣльская.

ГОВОРЯЩІЙ ОСЕЛЬ.

Одинъ добродушный крестьянинъ шелъ съ базара и велъ за собою своего осла. Пекло солнце, было жарко, крестьянинъ опустилъ голову и не замѣтилъ, какъ два вора подошли къ нему сзади и стали обдумывать, какъ-бы имъ украсть этого осла. Но это сдѣлать было мудрено, такъ какъ крестьянинъ крѣпко держалъ въ рукахъ уздечку.

— Я придумалъ! вдругъ сказалъ одинъ изъ воровъ.—Осель будетъ нашъ!

И незамѣтно отъ крестьянина, онъ снялъ съ осла уздечку, просунулъ въ нее свою голову и послушно послѣдовалъ за крестьяниномъ. Другой-же воръ вскочилъ на осла и усакалъ на немъ въ ближайшій лѣсъ.

Проидя нѣсколько времени за крестьяниномъ, воръ, замѣнившій собою осла, вдругъ остановился. Привыкшій къ капризамъ своего осла, крестьянинъ дернулъ его за уздечку. Воръ притворно застоналъ. Тогда остановился и крестьянинъ и—о, удивленіе! увидаль передъ собою человѣка, голова котораго была взнуздана его уздечкой.

— Кто ты? въ ужасѣ воскликнулъ крестьянинъ.

— Не бойся.. отвѣтилъ воръ,—я твой осель.—Выслушай меня, добрый человѣкъ, и ты поймешь все.

Крестьянинъ въ удивленіи разинулъ ротъ и широко раскрылъ глаза.

— У меня была матушка, продолжалъ воръ; однажды я пришелъ домой изъ гостей въ нетрезвомъ видѣ и обидѣлъ ее. Она заплакала и сказала:—«Несчастный, ты позабылъ, что такое почтительный сынъ, и за это будешь наказанъ». И она тотчасъ-же превратила меня въ осла. Черезъ нѣсколько дней ты меня купилъ у нея и вотъ я работаю на тебя. Вѣроятно, теперь моя матушка сжалилась надо мной и сняла съ меня это волшебство и вотъ я опять превратился въ человѣка!..

Крестьянинъ выслушалъ его и вдругъ воскликнулъ:—

— Братъ мой, умоляю тебя, прости меня за то, что я тебя такъ больно билъ всѣ эти два года палкой! Я даже и не подозрѣвалъ, что ты человѣкъ.

И съ этими словами онъ снялъ съ головы вора уздечку и отпустилъ его на волю.

Прійдя домой, онъ сѣлъ у огня и сталъ о чемъ-то думать.

— Отчего ты такой печальный? спросила его жена.— Не случилось-ли чего-нибудь съ тобой на пути? И гдѣ нашъ осель?

— Нашъ осель? пере́спросилъ ее крестьянинъ.— Это, жена, цѣлая исторія!

И онъ разсказалъ женѣ обо всемъ, что произошло.

— Какой грѣхъ! воскликнула она и всплеснула руками.— И мы цѣлые два года возили тяжести на человѣкѣ и били его палкой по спинѣ!

Долго еще крестьянинъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. Все время онъ сталъ просиживать на порогѣ, ничѣмъ не занимался и все думалъ. Наконецъ, жена потеряла терпѣніе и сказала ему:

— Такъ не можетъ дольше продолжаться; отправься на базаръ, купи тамъ себѣ новаго осла и начни опять работать!

Крестьянинъ послушался ея, отправился на базаръ и вдругъ увидаль тамъ своего прежняго осла. Отъ удивленія крестьянинъ не зналъ, какъ поступить.

— Несчастный! обратился онъ къ нему.— Ты опять принялся за пьянство и опять обидѣлъ свою матушку, разъ она снова обратила тебя въ осла! Нѣтъ, ужъ слуга покорный! Теперь ужъ я тебя не куплю!

Въ это время сбоку раздался чей-то смѣхъ. Крестьянинъ обернулся и увидаль вдругъ вора, который не въ состояніи былъ удержаться отъ смѣха и прыснулъ. Тутъ только крестьянинъ догадался, въ чемъ дѣло. Онъ схватилъ за уздечку осла и за шиворотъ вора и повелъ ихъ обоихъ къ судѣ. Судья разобралъ, въ чемъ дѣло, осла отдалъ крестьянину, а вора оставилъ у себя, чтобы наказать его.

ГОЛОВОЛОМКА № 1.

Названіе какихъ городовъ заключается въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Течеть рѣка; луга тянутся по ея берегамъ и скоро начнется сѣнокось.

2) Цыгане развели огонь, поставили на него таганъ, рогожу розостлали подъ себя и стали отдыхать.

3) Выпалъ снѣгъ, кругомъ стало бѣло, стокъ воды въ рѣку прекратился, потому что начались уже морозы.

4) Потуши угли чѣмъ нибудь, а то будетъ чадъ.

5) Пусть югъ великій населяютъ предприимчивые иностранцы, за то сѣверяне сохраняютъ свои старинные нравы и былинны.

6) Онъ сунулъ ключъ мимо скважины замка и долго не могъ отпереть дверь.

7) Въ прошломъ году на Кавказѣ развелось много козъ; ловъ на нихъ былъ удачный.

8) Въ посту лакомства не ѣдятъ.

9) Не гоняй въ горохъ овецъ; онъ его перетопчутъ и не дадутъ ему созрѣть.

10) На дворѣ стоялъ такой морозъ, что нельзя было выйти изъ дома.

ГОЛОВОЛОМКА № 2.

Городъ и птица имѣютъ одно названіе, которое можно прочесть по первымъ буквамъ слѣдующихъ словъ:

1) Трава, растущая на берегу рѣкы и озеръ.

- 2) То, чѣмъ управляется корабль.
 3) Животное съ иглами вмѣсто шерсти.
 4) Фруктъ, похожій на апельсинъ. Какой это городъ и какія слова?

ГОЛОВОЛОМКА № 3.

Какой русскій городъ носитъ названіе насѣкомаго?

ГОЛОВОЛОМКА № 4.

Русская рѣка, впадающая въ Волгу, и фамилія великаго англійскаго писателя имѣютъ одинаковый первый слогъ. Въ фразѣ «Писатель пошелъ на пиръ» есть окончаніе и названія рѣки, впадающей въ Волгу, и фамиліи англійскаго писателя. Какая это рѣка и какой это писатель?

(Предложила Бѣлая роза).

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ:

- 1) Когда человекъ бываетъ похожъ на рыбу?
 2) Когда человекъ бываетъ похожъ на гиру?
 (Предложила Ната Дитяткина).

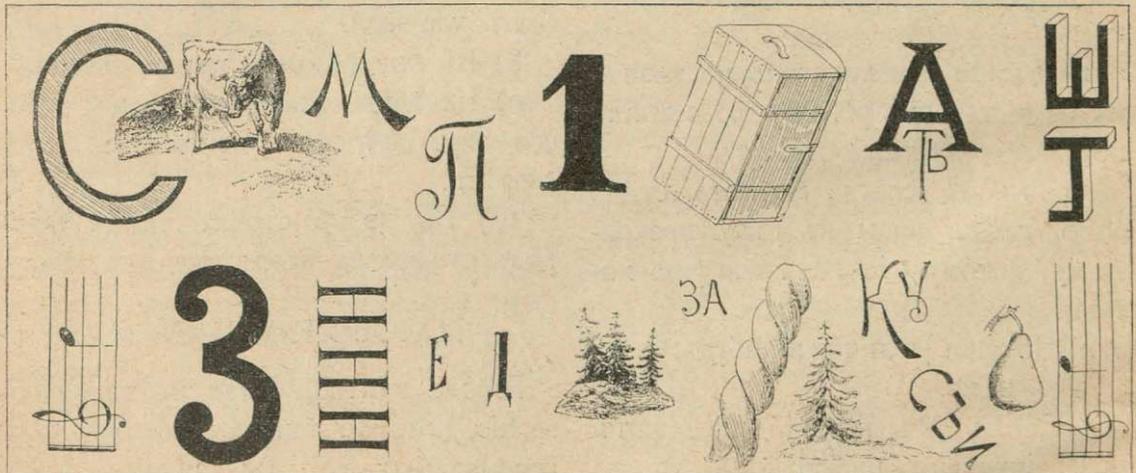
РѢШЕНИЕ РЕБУСА № 2.

Трин + очи на сто + гуси + дѣла сова. = Три noci на стогу сидѣла сова.

Врѣмя рѣшенія прислали: Евва Бабаджанъ изъ Θεодосіи, Люціанъ Янковскій изъ Нижнеднѣпровска, Ж. Менье изъ Нижнеднѣпровска, В. Милоченко, Оля Горошникъ изъ Тульчина, Ida Stein изъ Wien (Австрія).

Кромѣ того, врѣмя рѣшенія предыдущихъ задачъ, ребуса и проч. прислали: Юрикъ Гершгеймеръ со ст. Новая Баварія, Нина Бойчевская изъ Саратова, Жоржикъ Евтушевскій изъ Харькова, Олимпиада Жибратъ въ Спб., Л. Милоченко, Оля Горошникъ изъ Тульчина.

РЕБУСЪ № 3.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти головоломки, шуточные вопросы и ребусъ, будутъ напечатаны).

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 2 рубля.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“ С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

